

К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИКЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КУРСИВА В СТИХОТВОРНОЙ РЕЧИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭЗИИ Н.А. НЕКРАСОВА)

В статье рассматривается графический прием курсива с учетом его функционирования в стихотворной речи. Курсив показан во взаимодействии со стиховыми формантами: с рифмой и переносом (enjambement).

Курсив – графическое шрифтовое средство выделения слов в тексте. В литературоведении существуют работы, посвященные курсиву в прозе (Л.И. Ереминой, В.Н. Захарова, М.И. Циц [1]), курсиву в поэзии (Л. Гинзбург [2]), а также имеются ценные наблюдения о нем у Н.Н. Скатова, Б.Я. Бухштаба, В.А. Западова, М.Д. Эльзона [3] и др. Исследователи, как правило, сосредоточены на рассмотрении роли курсива в художественном мире произведения, что, несомненно, важно для анализа возможностей маркированного слова, для интерпретации текста и понимания авторского замысла. Но это не единственный аспект, в котором можно рассмотреть данный графический прием. На наш взгляд, одной из таких сторон является изучение курсива с учетом специфики стихотворной речи, то есть взаимодействие курсива со стиховыми формантами. Насколько нам известно, подобные исследования еще не проводились, хотя в современном стиховедении выдвигается в качестве актуальной проблема взаимосвязи различных компонентов (М.Л. Гаспаров [4]).

В предлагаемой статье попытаемся выявить соотношение курсива с рифмой и ритмико-синтаксическим приемом переноса (enjambement). Исследование проведем на материале поэзии Н.А. Некрасова [5], где, в соответствии с собственными критериями выделены единицы курсива [6], нами обнаружено 176 случаев этого графического средства в 51 произведении.

Рифма Некрасова изучалась Д. Самойловым, Ю. Стехиным, Т. Тришниковой, М. Гаспаровым, Л. Бельской [7] и др. во многих аспектах, но вопрос об особенностях ее выделения курсивом, насколько нам известно, не решался. Даже в существующем «Словаре рифм Н.А. Некрасова» В.М. Введенской [8] не учитываются факты рифмы, маркированной курсивом. Для выявления специфики маркированной рифмы курсивом в поэзии Некрасова нам необходимо: 1) определить расположение курсивов на стихотворных строках; 2) выяснить, как часто курсив выделяет рифму; 3) рифму, выделенную курсивом, проанализировать с точки зрения каталектики, в фонетическом, мор-

фолого-грамматическом, семантическом отношении с проекцией на данные по рифме Некрасова в целом; 4) рассмотреть динамический аспект курсивной рифмы.

По расположению курсива на стихотворной строке в произведениях Некрасова выделяется шесть его видов (в нашей фразеологии): 1) начальнострочный курсив, то есть находящийся в самом начале строки (11,4% случаев):

*Тот за устрицу с лимоном
Рад отдать и жизнь и честь;*
(«Наш век», 1, 277)

2) внутрострочный – курсив, располагающийся внутри строки (22,2%):

*И точка! Мудрейшему слову
Блестать на *пере* суждено,–*
(«Чернильница», 2, 205)

3) конечнострочный курсив занимает место в конце строки (40,3%):

*От надменных игорных тузов
До копеечных трех игроков
(Называемых: *терц от девятки*)*
(«Недавнее время», 3, 85)

4) монострочный – курсив, выделяющий целую строку (13,6%):

*Зачем свободы не дождался?»
– *Чтоб человек не баловался!* –
Один сказал – и присмирел.*
(«Несчастные», 4, 50)

5) полистрочный курсив представляет собой маркирование одновременно нескольких строк (от двух и более) (6,8%):

*Можно будет в духе «Миши»
Предисловье написать:
*Пощадили даже мышши
Драгоценную тетрадь –
Провидения печать!..**
(«Современники», 4, 198)

б) переходнорочный курсив является самым многоплановым, образующим различные соединения предыдущих видов курсива (5,7%):

Я сам себя, читатель, нахожу,
А это все, что нужно для поэта.
(«Уныние», 3, 133)

И тихо шепнула: «Я все поняла.
Люблю тебя больше, чем прежде...»
– Что делать? И в каторге буду я жить
(«Княгиня Волконская», 4, 156)

Наиболее сильная позиция у курсива начально- и конечнорочного, поскольку, как правило, началу строки сопутствует повышение интонации, а концу – понижение перед «основной стиховой паузой» («междустрочной») [9]. При этом «созвучие в конце стиха, перед паузой, слышится отчетливее, чем в начале» [10]. Менее сильная позиция у внутрострочного курсива, так как важнейшие интонационные «пучки» расположены в начале и в конце строки, а внутри нее интонационные перепады редки (за исключением случаев сильных внутрострочных пауз, образующихся благодаря знакам препинания, сигнализирующим о конце предложения, и «лесенкам»). Тем не менее внутрострочный курсив как бы стремится компенсировать «невыигрышное» положение слова внутри строки, задавая с помощью смены шрифта (с прямого на курсив) особую выделительную интонацию. Для указанных видов курсива свойственна интонационная концентрация в каком-либо одном месте. Из этого вытекает, что чем больше объем курсива, тем интонационно слабее выраженность отдельных слов, т.е. происходит не концентрация интонационного потока, а его «распыление», т.к. невозможно прочитать стихотворную строку (две и более) с одинаковым интонационным напряжением: всякое повышение сменяется понижением, а за понижением следует повышение.

Если учесть данные статистики, что в поэзии Некрасова имеется четкая тенденция к маркированию конечных созвучий стиха (46,0% случаев) конечнорочным курсивом (40,3%) и переходнорочным [11] курсивом (5,7%), что на втором месте – внутрострочный курсив, на третьем – начально- и монорочный, то можно подчеркнуть: 1) сильная позиция созвучий в конце строки подкрепляется у Некрасова конечнорочным и переходнорочным курсивом; 2) напротив, слабая позиция слов внутри стиха немно-

го усиливается за счет внутрострочного курсива; 3) сильная позиция слов в начале строки не находит у поэта ярко выраженного подкрепления начальнорочным курсивом.

Из 176 случаев курсива в поэзии Некрасова рифма так или иначе охватывается только конечнорочным, моно-, поли- и переходнорочным курсивом в 102 случаях (58,0% от общего числа курсивов), не считая 15 случаев курсива из поэмы «Кому на Руси жить хорошо», выделяющих нерифмованные созвучия в конце стиха. Всего курсивом выделено 109 рифмопар. Преобладание рифмопар над количеством случаев курсива объясняется тем, что в некоторых фактах один случай курсива выделяет не одну рифмопару, а две: «*Зачем теперь я изменил / Обет души, обет смиренный, / Перо печатью заменил / И в торг пускаюся презренный?*» / В самом деле, для чего вы / Изменили свой обет?» (<Из рецензии на «Пять стихотворений Н. Ступина...»>, т. 11, кн. 1, с. 42-43).

Проведем обзор маркированной рифмы Некрасова с точки зрения каталектики (рифма мужская, женская, дактилическая), в морфолого-грамматическом отношении (рифма однородная и неоднородная, простая и составная), в фонетическом аспекте (рифма богатая, бедная и подобная, глубокая, точная и неточная, приблизительная), с точки зрения семантики (рифма омонимная, поглощающая, тавтологическая, редкая). И сравним эти данные с данными Самойлова и Гаспарова по некурсивной рифме поэта.

Соотношение клаузул выявляет небольшое превышение процента дактилических окончаний (9,4%) в курсивной рифме, чем в некурсивной (7,8%). Скорее всего, это обусловлено тем, что большая часть курсивов приходится на сатирические произведения, а именно в них «Некрасов вводит дактилические рифмы» (Самойлов, ук. соч., с. 162).

Данные по морфологической характеристике курсивной рифмы Некрасова не выявляют ее специфики при сопоставлении с некурсивной.

По точности созвучия большинство случаев маркированной рифмы – точные (96,3%), за исключением 3,7% фактов приблизительной рифмы: «А я, когда их слушаю, / Дыханье затая, / Чуть сам неволью с *Грушею* / Не гаркну «Соловья» («Говорун», 1, 393). Однако в некурсивной рифме процент неточных [12] рифм составляет 7,8%, в курсивной рифме их всего 3,7%. Это позволяет отметить стремление поэта к маркированию курсивом точных рифм.

С точки зрения семантики наш материал отличается, с одной стороны, разнообразием, а с другой стороны, невысокой частотностью (10,0%) слов с различными редкими семантическими сочетаниями в сравнении с остальными рифмопарами. Среди курсивных рифм мы обнаружили омонимную рифму (1,8%): «Сперва я от *деления* / Немало получил: / Начальник *отделения* / Делить меня учил» («Провинциальный подъячий в Петербурге», 1, 282-283); тавтологическую рифму (1,8%): «Пусть вас минус в игре не смущает, / Игроки! пусть не радуется *плюс*, / Смерть придет – все итоги сравнивает: / Будет, будет у каждого *плюс!*..» («Недавнее время», 3, 91); и поглощающую рифму (6,4%): «И что ж? – о срам! о горе! – *оказалось*, / Что им обоим *только* *показалось*: / Она была как нищая бедна, / И беден был он так же, как она» («Новости», 1, 27). В данных случаях, несмотря на то, что омонимная, тавтологическая, поглощающая рифма сама по себе подчеркнута оригинальна, Некрасов счел необходимым с помощью курсива дополнительно акцентировать внимание на смысловой роли такой рифмы. Такую гипотезу можно выдвинуть на основании наших наблюдений над характером работы Некрасова в процессе создания курсива [13].

Несколько чаще, чем омонимная, тавтологическая и поглощающая, встречается редкая рифма (23,8%), включающая имена собственные, устаревшие слова, иноязычные, диалектизмы и прозаизмы. Е.Г. Эткинд точно заметил: «чем богаче рифма, образуемая стилистически противоположными словами, то есть чем они подобнее друг другу по звукам, тем их противоположность выразительнее» [14]. В нашем материале за счет маркирования рифм курсивом их «противоположность» усиливается, обостряется. Большой частью в этих редких рифмах заключено какое-либо сатирическое или комическое содержание: «Например, Вальтер Скотт или *Купер* – / Их на веру иной пропускал, / Но и в них открывал я *канупер!* [15] / (Так он вредную мысль называл.)» («Газетная», 2, 201). Иногда это выделение рифм, характеризующих позицию персонажа по отношению к актуальному явлению действительности: «За царя бы я *прилежно* / Господа молил. / – *Неужельно*, да *улежно*, – / Дедушка решил...» («На покосе», 3, 165). Во всех случаях оригинальной курсивной рифмы (омонимной, тавтологической, поглощающей и редкой) (33,8%) выделенное слово усиливается, озвучивается дополнительно,

получает особую звуковую окрашенность, т.е. налицо сочетание визуальных и звуковых приемов. Сравнение доли оригинальных курсивных рифм (33,8%) и доли оригинальных некурсивных рифм (6,6%) в поэзии Некрасова обнаруживает тенденцию к маркированию курсивом оригинальной рифмы.

Сопоставление курсивной и некурсивной рифмы Некрасова выявляет две тенденции взаимодействия курсива и рифмы: компенсация – те случаи, когда курсив как бы компенсирует недостатки бедной рифмы, подобной или приблизительной (о компенсации в рифме см. ук. соч. Гаспарова, 1996, с. 9); усиление – те случаи, когда курсив усиливает дактилические рифмы, которые сами по себе экзотичны, оригинальные рифмы (омонимные, тавтологические, поглощающие, редкие), которые и без курсива достаточно выразительны.

Таков обзор курсивной рифмы в традиционных аспектах. Теперь рассмотрим этот материал с других точек зрения. Прежде всего скажем о степени выделенности рифмы курсивом. Наши наблюдения позволили отметить три степени: высокую, среднюю, низкую. Высокой степенью выделенности рифмы отличаются, на наш взгляд, случаи маркирования курсивом исключительно слов, поставленных в рифму (35,8% от 109 рифмопар):

Мадамой Столбиковой быть
Все лучше, чем грибы солить;
А там авось-либо к зиме
Нам бог пошлет и *рено!*

(«Похождения Петра Степанова сына
Столбикова», 6, 464)

На всей строке курсив выделяет только одно слово – рифму, которая становится наиболее выпуклой на фоне остальных слов строки и соседних созвучий, т.е. происходит своеобразное «усиление» рифмы. На наш взгляд, это «усиление» не только визуальное, но и интонационное, умножающееся тем, что рифма сигнализирует о конце стиха. В результате курсив рифмы создает своеобразное «интонационно-рифменное» напряжение перед основной стиховой паузой. Значит, курсив в указанных фактах способствует высокой степени выделенности рифмы.

Средняя степень выделенности рифмы при-суца, как нам представляется, случаям, когда курсив маркирует словосочетание во второй половине строки и включает в себя рифмующееся слово (23,8%):

Но также *синего чулка*
 В ней не было приметы:
 Не трактовала свысока
 Ученые предметы.
 («Прекрасная партия», 1, 106)

Здесь курсивом выделена не только рифма, но и соседнее справа слово, связанное с ней. При перечислении рифмопар курсив ненавязчиво, но достаточно зримо «подталкивает» к выделению не рифмопары «чулка – свысока», а несколько «укрупненной» рифмопары «синего чулка – свысока». Соответственно, выделенность собственно рифмующегося слова уменьшается.

Высокая и средняя степень выделенности рифмы характерна для конечнострочного курсива. А вот низкая степень – для моно-, поли- и переходнострочного курсива, где рифмующиеся слова тоже охватываются курсивным маркером (40,4%):

Я угождать старался ей,
 Утех я доставлял ей много
 И даже пред свиданьем с ней
 Читал романы Поль де Кока!
 (<Из романа «Жизнь и похождения
 Тихона Тростникова»>, 8, 189)

Совершенно очевидно, что объем курсива в этом случае не позволяет говорить о намерении поэта «усилить» или «осложнить» рифму, скорее, наоборот, – «ослабить» ее роль в пределах рифмующихся строк с курсивным выделением. Если внимательно присмотреться и сравнить данный факт с предыдущими, то не остается сомнения, что курсив способствует смещению акцентов (интонационных, семантических и др.) с рифмы на внутрискрочную лексическую организацию выделенных строк. Курсивная рифма низкой степени выделенности, сохраняя все основные функции рифмы, оказывается в этой структуре необходимым звеном, в то время как при высокой и средней степени рифма становится самым значимым элементом строки. Если вся строка (или ее большая часть) охвачена курсивом, то ее интонационные особенности мало чем будут отличаться от интонационных особенностей строки с прямым шрифтом. Следовательно, низкая степень выделенности рифмы подразумевает не малую ценность, а лишь впечатлительное относительное «ослабление» рифмы.

Далее необходимо также выяснить, какое место занимает курсивная рифма Некрасова в рифмопаре. Всего в одном случае (0,9%) из поэмы «Современники» курсив способствует вы-

делению рифменного многочлена: «Можно будет в духе «Миши» / Предисловье написать: / *Поцадили даже миши / Драгоценную тетрадь – / Провидения печать!..*» (4; 198).

Небольшая доля приходится на случаи, когда курсивом выделенной оказывается вся рифмопара (10,1%): «Я примеру русского народа / Верен: *В горе жить – / Некручинну быть*» – / И больной работаю полгода, / Я трудом смягчаю мой недуг: / Ты не будешь строг, читатель-друг?» – **АббАвв** («Посвящение», 3, 199). Сюда же отнесем факты, когда при помощи одного случая курсива маркируется подряд две рифмопары: «*Здесь обрел даровую квартиру / Муж злокачествен, подл и плешив, / И оставил в наследие миру / Образцовых доносов архив*» – **АбАб** («Недавнее время», 3, 82).

В подавляющем большинстве курсив маркирует какой-либо один член рифмопары (89%). Это может быть: а) член, обозначающий начало рифмопары (12,8%): «– Знаю, народ *проторенной цепями* / Эту дорогу зовет. – / «Верно! увидишь своими *глазами*: / Русская песня не врет!» – **АбАб** («Благодарение господу богу...», 2, 153); б) либо член, завершающий рифмопару (76,2%): «Нарядов нет – прекрасный пол / Капризится, тоскует, плачет. / Наряды есть – прекрасный *пол* / Под потолок в восторге скачет» – **аБаБ** (<Из «Необыкновенного завтрака»>, 7, 327).

Понятно, что рифма и без курсива выполняет функцию группировки стихов, однако курсивная рифма, на наш взгляд, является дополнительным стихобразующим фактором. Она представляет собой необходимый авторский сигнал начала или конца рифменной пары. К примеру, если курсив выделяет рифму, завершающую рифмопару, и при этом подтверждается «рифмическое ожидание», то можно говорить о том, что курсив способствует своеобразной выпуклости рифмопары, ее выдвигению на первый план. Если же курсивом маркированы два члена различных рифмопар в катрене, то можно говорить о том, что подобным образом (с помощью курсива) организуется внутренняя структура строфы (выделенной или невыделенной графически). Мы имеем в виду, что без курсива рифменная цепь имела бы обычный вид, а с курсивом катрен условно разделяется на две части (курсивную и некурсивную): «Не одни тут ювелиры / Присмирели, обожглись: / *Петербургские квартиры / Многим солоно пришлось!* – **Аб + Аб** («Шила в мешке не утаишь – девушки под замком не удержишь», 6, 224). Причем в курсивной части катрена все созвучия образуют пары с созвучиями в некурсивной части.

Таким образом, исследование взаимодействия курсива и рифмы показало: 1) чаще всего поэт с помощью курсива стремится выделять рифму; 2) по расположению курсива на строке выделяется 6 его видов: начальнострочный, внутрострочный, конечнострочный, монострочный, полистрочный, переходнострочный; последние четыре, как правило, охватывают рифму; 3) в зависимости от места курсива в строке степень выделенности рифмы может быть различной (высокой, средней, низкой); 4) при высокой степени выделенности создается специфическое интонационное рифмическое напряжение перед основной стиховой паузой; 5) сопоставление курсивной и некурсивной рифмы показало, что взаимодействие курсива и рифмы происходит по принципу компенсации или усиления; 6) у Некрасова наблюдается отчетливая тенденция к маркированию созвучий, завершающих рифмопару.

Исследуя взаимодействие курсива со стиховыми компонентами, мы обнаружили также случаи, когда курсивные слова совпадают с ритмико-синтаксическим приемом переноса (enjambement). Насколько нам известно, в научной литературе обозначенный вопрос не изучался ни на материале поэзии Некрасова (в том числе в работе Г.А. Бокушевой [16] о стихотворном переносе у Некрасова), ни на материале поэзии других авторов. Для рассмотрения этого взаимодействия, на наш взгляд, необходимо выяснить: 1) количество и структуру переносов, совпадающих с курсивом; 2) место курсивных слов в структуре enjambement; 3) художественный эффект случаев совпадения курсива и переноса.

Исследуя синтаксис строк, включающих 176 случаев курсива, мы обнаружили 10 переносов (5,7% от 176 случаев), маркированных графически. Поскольку во всей поэзии Некрасова переносы составляют 5% (Г.А. Бокушева), то наш показатель – 5,7% – говорит о том, что: 1) подчеркивание курсивом переноса не является стилиевой чертой его поэзии, однако он представляет собой редкое, но выразительное сочетание средств графики и синтаксиса; 2) курсив и перенос не тяготеют друг к другу, тем не менее даже незначительный процент графической выделенности переносов свидетельствует о наличии взаимодействия между курсивом и enjambement.

Анализ структуры переносов, совпадающих с курсивом, проведенный по методике С.А. Матяш [17] показал: 1) в большинстве случаев Некрасов курсивом маркирует enjambements

типа г и с-г; 2) очень высокий показатель контактных переносов (80%) указывает, на наш взгляд, на возникновение своеобразного «двойного» напряжения стиха при сочетании средств графики и синтаксиса, т.к. курсив и перенос являются выделительными приемами, создающими интонационное напряжение.

Изучая случаи маркирования курсивом переносов, мы отметили, что курсивные слова могут подчеркивать: 1) весь enjambement (20%); сюда входят два случая переноса типа d-г: «Скажу, *огромные сны* / *Две сфинксы* – чудеса: / В фалборках, как из кисей» («Провинциальный подъячий...», 1, 287); «Вот что я, дрожа, прочитала: / *Мой друг, ты свободна. Пойми – не пеняй!* / *Душевно я бодр и – желаю* / *Жену мою видеть такой же. Прощай!* / *Малютке поклон посылаю...*» («Княгиня Волконская», 4, 156). Один из них выделен сильнее, резче, чем другой, т.к. в первом случае маркированный перенос обособлен с двух сторон прямым шрифтом, а во втором – как бы «спрятан» за окружающими его соседними курсивными строками;

2) Иногда в курсив попадает «оставленное» слово (20%). Это все случаи переноса типа с-г: «И что ж? – о срам! о горе! – *оказалось*, / Что им обоим *только показалось*» («Новости», 1, 27);

3) Чаще всего курсив выделяет слова, «подготавливающие» перенос (40%): «Табак смягчает нрав суровый, / Доводит к почестям людей: / Приятель мой через *бобковый* / Достиг *известных степеней*» («Табак», 1, 364); или «подхватывающие» перенос (20%): «Сложив все, в заключение / *Сложенье* я узнал» («Провинциальный подъячий...», 1, 283). В поэзии Некрасова выделение именно этих слов преимущественно и подкрепляется курсивным маркированием.

Принято считать, что наибольшей экспрессивностью и смысловой значительностью в переносе наделено слово, поставленное в enjambement [18], что «слово, стоящее на паузе в конце строки, получает благодаря переносу оборванный, не законченный интонационно оттенок, это его резко выделяет, подчеркивает, придает ему особенную значительность» [19]. Вместе с тем мы согласны с мнением Харая Голomba [20], что не меньшей экспрессивностью и значительностью обладают и другие слова в переносе, которые мы условно назвали «подготавливающие» и «подхватывающие». Несмотря на то, что курсив и перенос не тяготеют друг к другу, но учитывая тот факт, что курсив у Некрасова маркирует сильные места в enjambement, можно предположить: в указан-

ных случаях синтаксис в некоторой степени предопределил появление курсива.

Обратимся к этому редкому сочетанию приемов как к своеобразной изобразительно-выразительной конструкции, где органично переплетаются функции курсива и переноса [21]. Так, в случае: «Скажу, *огромные сии / Две сфинксы* – чудеса...» курсив маркирует конкретную реалию: «два гранитных сфинкса, привезенные в Петербург из Египта и поставленные на набережной Невы возле Академии художеств» (см. коммент. А.М. Гаркави, 1, 667-668). К тому же данный курсив выделяет «чужое слово». Дело в том, что на пьедесталах этих сфинксов, как отмечает А.М. Гаркави, «была высечена следующая надпись: «Сии огромные сфинксы, посвященные за XXV веков знаменитому Мемнону (фараону Аменофу III), перевезены в град Святого Петра в царствование императора Николая I и поставлены на сей гранит в 1834 году» (1, 668). Эта надпись в современное Некрасову время «была предметом многочисленных насмешек» (1, 668). Очевидно, что в указанном курсиве просматривается творческая переработка одной из частей этой надписи. С точки зрения синтаксиса курсив здесь маркирует весь перенос типа d-г и делает более «выпуклыми» обе части enjambement одновременно. С помощью данного переноса Некрасов создает «крупный план» изображения (термин С.А. Матяш) реалии. Значит, и курсив и перенос способствуют «выдвижению» изображаемого предмета. Помимо этого, определение «огромные сии», занимающее более половины строки, несколько замедляет энергичный стих 4-стопного ямба благодаря интонационному подчеркиванию курсивом. Читатель, вслед за героем, медленно, с удивлением обзирает «огромные сии» сфинксы. Пауза в конце строки (после определения) как бы «усугубляет» эту замедленность, приостанавливая повествование. И только затем следует вторая часть переноса, откуда выясняется, что же это за предмет, заинтересовавший героя. Следовательно, с помощью переноса создается еще и дополнительный эффект «обзора», первого впечатления от увиденного. Итак, в рассмотренном случае курсив способствует визуальному обнаружению реалии, а перенос – ее «представлению», изображению.

В поэме Некрасова «Современники»: «Да, постигла и Россия / Тайну жизни наконец, / Тайна жизни – гарантия, / А субсидия – венец! / Будешь в славе равен Фидию, / Антокольский! *изваяй / «Гарантию» и «Субсидию»*, / Идеалам форму дай!» (4; 228) слова «гарантия» и «суб-

сидия» первый раз появляются в прямом значении без курсива, а во второй раз – в значении воображаемых памятников скульптуры, где уже выделены курсивом. На наш взгляд, Некрасов использует курсив затем, чтобы: 1) провести «границу», различие между значениями одних и тех же понятий; 2) маркировать реалию (хотя и воображаемую), образно представленную через новое значение слов «гарантия» и «субсидия». В то же время данные курсивные слова оказываются частью переноса с-г, который точно так же придает объекту – «экономическому памятнику» – большую «выпуклость». Яркой выраженности этой изобразительной функции enjambement содействует то, что курсив выделяет не весь перенос, а всего лишь его «подхватывающую» часть. Именно ту часть, в которой и находится изображаемый объект – «памятник Гарантии и Субсидии – как символ капитализирующейся России» [22]. Следовательно, в указанном случае курсив и перенос взаимодействуют согласованно, гармонично дополняют и усиливают друг друга.

Рассмотрим, к примеру, и случай из поэмы «Кому на Руси жить хорошо»: «Когда б не знал доподлинно, / Что я перед *последышем* / Стою... что он куражится / По воле по моей...» (5; 117). С одной стороны, курсив здесь участвует в обозначении реалии – последнего помещика крепостной России. «Последыш – самый младший в семье, последний ребенок у родителей. В прозвище Утятина – намек на вырождение дворянства как сословия» (см. коммент. Т.А. Бесединой, 5, 648). С другой стороны, благодаря сильной эмоциональной оценочности слова «*последыш*» курсив выполняет функцию создания образа этого помещика. Курсив приходится на перенос типа г, оригинальность и сила которого определяется не только «перенесенным» словом – «стою», но и курсивным словом «*последыш*», являющим собой высокую степень выделенности рифмы, «подготавливающим» перенос и являющимся сигналом появления персонажа. По терминологии С.А. Матяш этот перенос можно отнести к «визитным» переносам [23].

Помимо изобразительной функции указанный перенос из поэмы «Кому на Руси жить хорошо» выполняет и выразительную функцию. На протяжении всей главы слово «последыш» употребляется без курсива и с заглавной буквы, как имя собственное. А данный enjambement с курсивом появляется в конце главы «Последыш» в речи бурмистра с прописной буквы, как имя нарицательное, олицетворяющее не одного помещика, а множество ему

подобных. В своей речи бурмистр с грубой насмешкой рассуждает о том, как он «уважил последыша». Наивысший накал экспрессивности в его речи приходится именно на этот перенос, когда бурмистр с презрением делает акцент на том, что дворянское сословие вырождается. В этот момент его охватывает сильное чувство радости, потому что «последыш» «куражится» по его воле, и это чувство переполняет бурмистра.

Из сказанного следует: 1) хотя курсив и перенос не тяготеют друг к другу, но в случаях графического выделения переносов Некрасов с помощью курсива маркировал сильные места в enjambement, значит синтаксис в некоторой степени влиял на появление курсива; 2) сочета-

ние приемов курсива и переноса создает особый художественный эффект в произведении: оба приема способствуют большей «выпуклости» слов и наделяют их дополнительными эмоционально-экспрессивными оттенками; роли, выполняемые курсивом и переносом в поэтических текстах, близки; в маркированных переносах на первое место выступает изобразительная функция.

Таким образом, специфика функционирования курсива в стихотворных произведениях заключается в том, что он активно взаимодействует с рифмой и переносом. Анализ соотношения этих средств различных уровней (графического и стихового) позволяет увидеть, что они стремятся дополнить, усилить друг друга.

Список использованной литературы:

1. Еремина Л.И. Графические средства в художественной системе Льва Толстого // Вопросы языкознания. 1978. №5. С. 25-35; Захаров В.Н. Слово и курсив в «Преступлении и наказании» // Русская речь. 1979. №4. С. 21-27; Циц М.И. Сюжетно-композиционные функции курсива в «Кроткой» Ф.М. Достоевского // Жанр и композиция литературного произведения: Межвуз. сб. Петрозаводск, 1988. С. 103-109.
2. Гинзбург Л. Об одном пушкинском курсиве // Гинзбург Л. О старом и новом. Л., 1982. С. 153-156.
3. Скатов Н.Н. «Я лиру посвятил народу своему...». О творчестве Н.А. Некрасова. М., 1985. С. 108; Бухштаб Б.Я. Н.А. Некрасов. Проблемы творчества. Л., 1989. С. 168-169; Западов В.А. Функции цитат в художественной системе «Горя от ума» // А.С. Грибоедов. Творчество. Биография. Традиции. Л., 1977. С. 61; Эльзон М.Д. О курсиве и кавычках у Некрасова // Некрасовский сборник. Т. XI-XII. СПб., 1998. С. 142-144.
4. Гаспаров М. Лингвистика стиха // Славянский стих: Стихovedение, лингвистика и поэтика. М., 1996. С. 5-17.
5. Некрасов Н.А. Полное собрание сочинений и писем: В 15-ти тт. Л.: Наука, 1981-2000. В статье произведения Некрасова и комментарии к ним цитируются по этому изданию с указанием тома и страницы.
6. Борисова И.М. Курсив в прозе А.П. Чехова // Вестник ОГУ. 2004. №4. С. 4.
7. Самойлов Д. Рифма в стихе Некрасова // Самойлов Д. Книга о русской рифме. М., 1982. С. 159-174; Стехин Ю., Тришников Т. Грамматическая характеристика дактилических рифм поэмы Н.А. Некрасова «Коробейники» // Применение новых методов в изучении языка. (Вопросы прикладной лингвистики). Днепропетровск, 1969, вып. 1., с. 181-182; Гаспаров М.Л. Некрасов в истории русской рифмы // Н.А. Некрасов и русская литература. Ярославль, 1976. С. 77-89; Бельская Л.Л. К проблеме классификации и систематизации рифм (На материале поэмы Некрасова «Мороз, Красный нос») // Филологические науки. 1977. №4. С. 86-92.
8. Введенская В.М. Словарь рифм Н.А. Некрасова // Российский литературоведческий журнал. 1997. №10. С. 179-341.
9. Гончаров Б.П. Звуковая организация стиха и проблемы рифмы. М., 1973. С. 54.
10. Холшевников В.Е. Что такое русский стих // Мысль, вооруженная рифмами. Поэтическая антология по истории русского стиха. Л., 1987. С. 20.
11. Переходнострочный курсив в произведениях Некрасова во всех случаях охватывает конечные созвучия.
12. Здесь под неточными мы имеем в виду приблизительные, усеченные рифмы.
13. Борисова И.М. Графический облик поэзии: «лесенка», курсив, графический эквивалент текста (на материале поэзии Н.А. Некрасова, его предшественников и современников). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Самара, 2003. С. 13.
14. Эткинд Е.Г. Проза о стихах. СПб., 2001. С. 249.
15. Канупер, а. м. 1. Трава калуфер. Екатеринбург., Слов. Акад. 1908. Слов. Акад. 1956 [с пометой «обл.】. 2. Растение Artemisia annua L., сем. сложноцветных; полынь однолетня. Курск., 1893. (Словарь русских народных говоров, 1977, с. 46).
16. Бокушева Г.А. Стихотворный перенос (на материале поэзии Н.А. Некрасова): Дисс. ... канд. филол. наук. Алматы, 2001. 158 с.
17. Матяш С.А. Структура и функции переносов (enjambement) в поэме А.С. Пушкина «Бахчисарайский фонтан» // Онтология стиха: Сб. статей памяти В.Е. Холшевникова. СПб., 2000. С. 133-146.
18. Жирмунский В.М. Введение в метрику. Теория стиха. Л., 1975. С. 157-158; Холшевников В.Е. Основы стихovedения. Русское стихосложение. Л., 1972. С. 139.
19. Тимофеев Л.И. Пушкин – реформатор русского стиха // Тимофеев Л.И. Очерки теории и истории русского стиха XVIII-XIX вв. М., 1958. С. 396.
20. Harai Golomb. Enjambment in Poetry. Language and Verse in Interaction. The Porter Institute for Poetics and Semiotics, Tel Aviv University, 1979, p. 259, 264-265, 303.
21. О функциях переноса см.: Лузина Л.Г. Лингвистическая природа стихотворного переноса и его стилистические функции: На материале английской поэзии XIX века: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1972; Лобанова М.С. Синтаксическая характеристика стихового переноса (на материале русской поэзии XVIII – первой половины XIX в.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1981; Федотов О.И. Основы русского стихосложения: Метрика и ритмика. М., 1997. С. 237-361; Матяш С.А. Ук. соч.; Бокушева Г.А. Ук. соч. и др.
22. Горячкина М.С. Карающая лира // Н.А. Некрасов и русская литература 1821-1971. М., 1971. С. 166.
23. Матяш С.А. «Визитные» переносы (enjambements) в поэмах Пушкина // Вестник ОГУ. 1999. №2. С. 4-7.